

Спасая себя,
Россия спасет мир.

К врагам русского народа

«Я всю Россию ненавижу. В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого, отца нынешнему, и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы. Умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила бы к себе. Со-всем даже были бы другие порядки». (Достоевский, «Братья Карамазовы», Смердяков).

Истинное величие познается лишь в большом; в малом оно часто ничтожнее посредственности, ибо это не его мера, не его предмет, не его назначение и стихия. К «малому» же относится и та внешность, в которую облачается величие, так как все оно уходит на внутреннее, на существенное, на то, что действительно важно и значительно. Это верно как в отношении отдельных индивидуумов, так и в отношении целых народов.

Поэтому также и Русский народ в крайней степени характеризуется чертой, которой обычно отличается всякое вообще проявление величия: в нем высокое и исторически гениальное внутреннее существо прячется под крайне простой, даже невзрачной бытовой и материальной внешностью. Это то же, что «мужиковатый» и даже «неумный» Толстой, детски беспомощный ремесленник Спиноза, «деревенски-застенчивый и неуклюжий» Петр Великий, «дурно воспитанный» Наполеон и т. п. (Из биографий и характеристик современников). Благодаря этому в отношении нашего народа очень часто впадали в заблуждение всякого рода филистеры и накрахмаленно-парикмахерские души которых, несмотря на величие его истории и грандиозность созданной им государственности, вводило в заблуждение то, что в нем так мало внешней благоустроенности и блеска.

Это же есть, повидимому, то, что вводит и может трагически для них ввести в заблуждение и некоторых фельдфебелей, очутившихся во главе государств, ставших, благодаря им, нам враждебными.

С другой стороны, в русском народе есть какая то бесшабашность в игре своей национальной судьбой — и в то же время способность уже в самый последний момент вдруг собрать все свои подлинно богатырские силы и совершить неожиданно настоящее чудо самосохранения. Точно дойдя до самого края бездны и уже заглянув

в нее, он вдруг, в самый последний момент, в страшном напряжении всех своих могучих сил подымается во весь свой гигантский рост и неожиданно совершает необыкновенное.

Так было неоднократно в его истории. В эпоху Смутного времени, закончившуюся в самый последний момент, на краю бездны, чудом Минина и Пожарского; накануне великих реформ Петра, в пору нашествия Наполеона, когда, заняв Москву, этот последний, не зная самой сокровенной сущности русской психологии, думал, что он уже покорил Россию, тогда как только в этот момент она начала свою настоящую борьбу. И, наконец, на наших глазах Россия являет истинно великое чудо своего национального самосохранения, ибо, несмотря на то, что у самого руля ее судьбы оказались злейшие ее враги и заведомые предатели, при том в самый страшный и трагический момент ее истории, она не только силой своего могучего национального гения справилась с этой смертельной опасностью, но и выходит теперь из нее, как свидетельствуют многочисленные признаки, еще более внутренне окрепшей и обновленной.

И наша роль теперь заключается не в том, чтоб вороньим карканьем мешать ей вновь обрести веру в себя, а в том, чтоб верой в нее помочь ей эту веру в себя обрести и завершить то новое чудо национального самосохранения, при начале которого мы, по всем видимостям, присутствуем.

Но и вообще можно принять за правило, что народ, который не верит в свое величие, не может быть великим народом.

В известном письме к наследнику, будущему Александру III-му, Достоевский писал: «Мы забыли, в восторге от собственного унижения нашего (теперь мы знаем — кто и зачем культивировал этот странный «восторг»), непреложный закон исторический, состоящий в том, что без всякого высокомерия о собственном мировом значении, как нации, никогда мы не можем быть великою нацией и оставить по себе хоть чтонибудь самобытное для пользы всего человечества. Мы забыли, что все великие нации... тем то именно и пригодились миру..., что остались сами гордо и неуклонно, всегда и высокомерно самобытными».

Ибо, если вера мобилизует и творит, то неверие демобилизует и разлагает; если наличие веры способно «двигать горами», то утрата ее есть всегда предельное условие последующей обреченности и гибели. Недаром сейчас наши внешние враги, широко используя политико-уголовные элементы из нашей же среды, а также всякого рода элементы смердяковщины (ср. эпиграф), всячески сеют, где могут, неверие в наш народ, пытаются всячески подорвать его исконную великую веру в себя, так как они хорошо понимают, что убить веру — значит подготовить то решающее моральное условие, при котором внешне-политическое убийство уже не представляет особых трудностей.

Само собой разумеется, нужно отличать веру в себя (индивидуального человека или народа) от самодовольства (что в национальном аспекте, собственно, и есть расизм, в отличие от мессианизма, который есть вера в себя, а не довольство собою). Самодовольство — от ничтожества и есть удовлетворенность своею данностью, вера — от значительности и есть обращенность к своей заданности. Вера движет и обязывает, самодовольство консервирует и лишь притязает. И поэтому мы не к самодовольству призываем, а к той великой силе моральной исполненности, которая создавала новые государства и общества, новые исторические эпохи и мировые движения, именно к силе веры, как таковой.

И обратно, — беря упрощающий наше положение пример, — что сказали бы о начальнике, который своих солдат перед началом боя «осведомлял» бы в безнадежности их положения (ср. материалы некоторых «русских» газет)!? Такого горе-начальника нужно было бы отдать под суд, как преступника. А разве не таковы некоторые из наших горе-«начальников» от политики, которые в то время, как наш народ в нечеловеческом своем испытании напрягает все свои силы к предстоящему, быть может, наиболее роковому акту в переживаемой им трагедии, клеветуют и лгут на его возможности и судьбу, сеют неверие и возводят хулу на него, прибегают к изощренным методам «пропаганды», чтоб «доказать», что «ничего больше нет и не на что надеяться, все пошло и идет к черту, весь народ — дрянь, и что только один для нас выход — это... добровольно и даже с признательностью отдаться в руки своих злейших иноземных врагов.

Под этой «ставкой» на заклятых врагов собственного народа, врагов, которые даже не считают нужным скрывать своих истинных намерений — и теперь уже не только на словах, но и на деле (открытая подготовка расчленения России, натравливание ее народов друг на друга и пр., и пр.) — под этой «ставкой» кроется уже не только безнадежное неверие в свой народ, которое по существу, лишает их уже права касаться его судьбы и призвания, но и нечто неизмеримо худшее и презренное, о чем, лишь преодолевая соответственные трудности, становится возможным говорить в печати. В частности, им не может не быть известным тот смрадный поток клеветы и лжи — подлой, низкой и презренной клеветы, хорошо аттестующей лишь ее авторов, — которую организованно, систематически и в небывалых размерах изливают по адресу России и Русского народа те, на кого они возлагают свои «надежды», как на «спасителей» России. — Что это — трагическая иллюстрация русской народной поговорки: «Тот плюет ему в глаза, а он говорит: Божья роса»? Или тот странный «восторг» самоунижения, о котором писал Достоевский!?

Больше того, этой гнусной кампании клеветы и очернения нашего Отечества и Народа сплошь и рядом вторят некоторые элементы

(определенного назначения!) и из их собственной среды и не получают надлежащего отпора. Под их эгидой и фирмой «идейных» пораженцев и пессимистов кроются и делают свое иудино дело **пораженцы по профессии и профессиональные пессимисты**. И мы со стороны не можем знать и даже имеем право не знать — где здесь настоящие, продажные негодяи, работающие над морально-политическим ослаблением нашего народа и подрывом его национального престижа, а где только бесплатные глупцы, служащие предметом для употребления первых в их уголовно-предательской работе. Во всяком случае, спрашивается: кому нужна? кому на пользу эта работа? России или ее врагам? — И нужно ли еще отвечать на этот вопрос!? Разве не указывают даже иностранные источники, что ту работу по моральной изоляции нашего народа и дискредитации его среди современного мира, которую сейчас в небывалых размерах ведут наши внешние враги, они делают ее в не малой мере также при помощи соответственных элементов из нашей же русской среды.

Для нас нет никакого сомнения, что главные — в объективном смысле — пораженцы, главные враги нашего народа находятся там, в Москве, среди остатков тех, что даже зачаты были в самом преступном и позорном пораженчестве, тех, что самим существом своим изолируют Россию и лишают ее лучших друзей и союзников, тех, что довели великий и героический народ до такой степени злобы, забитости и моральной и материальной деградации, что делают его граждански и патриотически невменяемым. — Но мы бы не в праве были с ними бороться, если бы сами походили на них. А между тем, подготовители нового Брест-Литовска часто, как две капли воды, походят на авторов старого, ленинско-троцкистского Брест-Литовска.

При этом такая уголовно-предательская работа прикрывается даже зачастую... «национальными» интересами и даже «фашистскими» убеждениями.

Но мы спрашиваем этих своеобразных «националистов» и горешашистов — представляют они себе того же Гитлера и тем паче, Муссолини, в рядах иноземных врагов, идущих против их собственного отечества, хотя бы, за одним, в целях борьбы с внутренним врагом!? Нет, они сказали бы, исполненные веры в свой народ, как говорили старые итальянские герои — патриоты: «*l'Italia fara da se*, — Италия со своими делами сама справится. И как говорим и мы, веря в безусловную историческую состоятельность нашего народа: **сами справимся**, и руки прочь от России, лицемерные «друзья» ее, как и открытые враги.

На три четверти коммарксизм в России уже ликвидирован. Если же в этой борьбе с коммарксизмом нам придется пройти через грозное своими возможными последствиями испытание войны, то мы должны будем включиться в тот неизбежный, в случае войны (если теперешний режим не нормализуется в порядке превентивной

самореорганизации) военно - политический переворот, который один делает Россию способной воевать с ее внешним врагом, — а никак не становится самим на сторону этого ее внешнего врага. Ибо понимают ли сторонники этой позорной и преступной «тактики» — в борьбе с внутренним врагом объединяться против собственного своего народа с его внешним врагом — в каком положении они окажутся в случае именно такого, почти неизбежного, развития событий?!

При этом, они не должны обманываться, особенно, конечно, те из них, кто сознательно ведут предательскую работу в пользу внешнего врага, что презрение и гадливость они возбуждают не только у тех, кого они предают и продают, но и у тех, кому они предаются и продаются. Ибо как патриоты и даже как просто порядочные люди, они, принимая от них их иудины услуги, не могут в то же время не испытывать брезгливости от соприкосновения с предателями. Ибо человек, предающий свою родину есть предатель и морально несостоятельный элемент и с точки зрения тех, кому он ее предает. Надо понимать разницу между врагом и преступником. Своего настоящего, в данном случае внешнего врага, не только можно, но должно уважать. Врага, вообще, должно уважать уже затем, чтоб побеждать его. Но внутренние враги данного народа это даже не враги, это — преступники, — потерянные презренные души, способные вызывать лишь гадливость и сожаление. К ним можно и должно снисходить, поскольку они не опасны, но нельзя к ним относиться, как к противнику и даже вести с ними принципиальный спор.

Пора нам, наконец, отделаться от того маниловского прекраснодушия и национального непротивленчества, благодаря которым работа против собственного своего народа и отечества рассматривалась, как разновидность политики, как разновидность политических взглядов. Пора посмотреть на это так, как оно есть в действительности, — как на **уголовщину**, как на проявление государственной измены, подобно шпионажу и пр. Тем более, что момент, который мы переживаем, обязывает нас к исключительности и экстраординарности, к чрезвычайным мерам борьбы и методам воздействия. Поэтому, если перед вами **русский**, и этот русский — что так часто можно встретить теперь — клеветает и старается очернить свой народ, становясь при этом даже открыто на сторону врагов его, то вместо бесполезного и неуместного спора с ним, не было бы ли более уместным ставить ему прямо, известный в таких случаях вопрос: «ты скажи мне, гадина, сколько тебе дано?» Ибо недопустимо теперь, в такого рода элементах видеть только прежнее бытовое проявление смердяковщины. Смердяковщина сейчас становится фактором, благоприятствующим общей отечественной угрозе. Смердяковы (практикуя при этом, часто самые неожиданные и противоестественные политические амальгамы) превращаются в платных агентов, работающих не только внутри нашего народа, но его моральной демобилизации и угашению в нем веры в

себя, в свою историческую и государственную состоятельность, они проникают через печать в сферу международную и там работают над дискредитацией нашего народа, над подрывом его национального престижа, над морально-политическим умалением его и изоляцией среди других народов.

Соразмерно величию Русского народа и грандиозности созданной им государственности, у него всегда было много врагов, в частности, внутренних, так или иначе создавшихся и мобилизовывавшихся его внешними врагами. Но никогда размеры и интенсивность такого рода враждебных сил не достигали такой степени, как сейчас. Прежде чем попытаться нанести ему физический удар в подготавливаемой войне, они сейчас всеми средствами и путями стремятся демобилизовать его национально, в частности и в особенности, убить в нем веру в себя, в свою государственную состоятельность и историческое призвание. Появился мутный и зловонный поток хулильно-клеветнической «литературы», нередко просачивающийся и в некоторые, как будто, лояльно-русские издания, не говоря уже о тех, попросту, немецких изданиях на русском языке, которые как бы специализировались на осрамлении перед иностранцами Имени нашего народа. При этом, повторяем, — где здесь преступление и предательство, а где только глупость и простота — мы со стороны не можем знать, и не хотим знать, даже, если угодно, хотим не знать: в интересах России сейчас свалить в одну кучу такого рода продажных негодяев и даровых глупцов.

В этой хулильно-клеветнической «работе», направленной на морально-политическое и культурное ослабление и умаление нашего народа, теперь к старой разновидности национал-смиренников и пачкунов, которые свою смердяковскую ненависть к России и самооплевывание возводили в признак даже какой то «радикальности» и «прогрессивности», прибавилась новая, с противоположного конца, разновидность той же гнусной смердяковской стихии, которая нередко захватывает и некоторые «национально-мыслящие» элементы нашей общественности.

При этом, вся «критика» этих национал-смиренников и пачкунов — платных и даровых — состоит обычно в том, что они роются в помойной яме от нашего национального дома и среди муссора от нашего исторического строительства и, вытаскивая оттуда тот или иной продукт отброса, изображают его, как явление «характерное» для самого нашего народа и его истории. Среди моря бесконечно разнообразных фактов — положительных и отрицательных, ибо жизнь вообще, а России в особенности — антиномична, состоит из светотени, добра и зла, — они выуживают лишь такие, какие им нужны в их хулильно-клеветнической, смердяковской «работе».

В действительности, всеми такого рода приемами «критики», они характеризуют не народ наш, а лишь самих себя и свое определенное

задание и назначение. Гнусные потомки второго сына Ноя, они этим лишь усугубляют в новом аспекте пример своего библейского праотца. Ибо тот же поступок второго сына Ноя в отношении своей матери был бы чем то значительно большим, чем только хамством. Здесь же, к тому же, дело идет о своей великой Матери—Родине, хула и клевета на которую, надругательство, словом или действием, есть уже хамство, соединенное с подлым и низким преступлением.

В высшей степени показательно, что верой в Русский народ отличались все его лучшие люди, — все его гении, творцы, вожди и герои. Достаточно указать лишь на величайших из них: Петр Великий, Пушкин, Достоевский, Гоголь, Тютчев, Вл. Соловьев, Герцен, Менделеев и мн. др. И наоборот, неверием в него и ненавистью отличались лишь, разного калибра и оттенков, Смердяковы, элементы хамско-филистерского духовного пошиба. Это он, стилизованный хам и филистер, Смердяков у нашего великого сердцеведа, Достоевского, выражает «чувства» и «мысли» относительно России (см. эпиграф), к которым могло бы быть сведено «кредо» всех вообще внутренних врагов нашего народа.

Помимо вышеприведенных приемов «критики», наши враги в своих целях пользуются одной замечательной особенностью Русского народа, которой он отличается от всех других наций, — особенностью крайней полярности. В этом смысле Русский народ — самый удивительный народ: о нем можно сказать все и все будет верно. Величие и в то же время низость; предельный героизм и крайнее хамство, самый фантастический народ, и вместе с тем, самый прозаический народ, наиболее близко стоящий к Небу и наиболее далеко отстоящий от него и т. д. В мире не было и нет народа более полярного, более антиномически выраженного, чем Русский народ, и потому, как ни в одном другом народе, в нем возможна предельная, на последней глубине, схватка Добра и Зла.

И вот, в то время как о светлой, возвышенной его стороне, той стороне, которой он обязан своей великой историей и грандиозной государственностью, говорят его лучшие люди, сами ее в себе воплощающие; другую, темную и низкую сторону его видят и выказывают всякого рода собирательные Хам Лакеевичи Смердяковы, ибо тоже сами ее в себе носят и ощущают. Они то и суть олицетворенное проявление этой его стороны.

Эти же две категории, по их отношению к Русскому народу, можно наблюдать и среди представителей внешнего нам мира. В то время, как наиболее значительные и глубокие из них всегда были исполнены некоего высшего духовно-нравственного доверия к нашему народу и ощущения его высшей сверх'обычной меры и исторического предназначения, посредственности и филистеры из этого мира тоже не-

редко судили и аргументировали приблизительно так же, как это делают наши отечественные Смердяковы.

Это можно наблюдать и на современных примерах, приобретающих сейчас остро актуальное значение. Если такие люди в той же, например, Германии, как Бисмарк, всячески предостерегали против ссор с Россией и советовали дружить с ней, то теперешние «идеологи» этой страны уже точь-в-точь повторяют обычные перлы из материалов наших Смердяковых.

Разница лишь в том, что в значительной мере злобный лай немецких расистских псов на наш народ, это лай Моськи, которая хочет показать, как, дескать, она «сильна», что может смело лаять на слона. И если Моська может безнаказанно лаять, то лишь потому, что «слон» лежит скрючен собственными своими врагами, — недобитыми остатками тех, чей даже «пророк» (Маркс), как и полагается одному из столпов современных разлагателей и осквернителей, пылал зеленой ненавистью к нашему народу и сулил ему худшую судьбу. Но если вспыхнет война, то силой вещей этим недобитым внутренним врагам придется слона расковать. И не только расковать, но дать ему в руки оружие. Раскованный же и вооруженный народ наш сумеет расправиться не только со своими внутренними врагами, прежде всего, со своими теперешними коммарксистскими тюремщиками и удушителями, но и со своими, утратившими, повидимому, способность самоизмерения, внешними врагами.

Мы очень рекомендуем немецким расистским боровам, которые в тупости своего свиного самодовольства уже не один раз просчитывались, преувеличивая свои шансы и преуменьшая силы своих противников, — хорошо подумать и, главное, — что будет и легче для них — подучить хотя бы элементарный учебник истории. Оттуда же они узнают, что о русский колосс разбивались такие великие гении войны, как Карл XII-й, перед которым дрожала Европа его времени, как сам Наполеон, шедший во главе всей тогдашней Европы и под пятой которого и они, раздавленные, в прахе раболепствовали и пресмыкались, как великая Монгольская империя, как бывшая могущественная империя турок. И не им, недавно битым петухам, с не обросшими еще перьями, грозить нам, которые их самих неоднократно спасали от раздела и унижения.

В самом деле, не коично ли, не есть ли это лай Моськи, когда некоторые, зарвавшиеся элементы этой нации, которая сама жалуется, что осталась «народом без территории» (где же тогда ее воинская, завоевательная доблесть!), нации, которая лишь недавно, несмотря на то, что она почти в два раза старше нашего народа, объединилась в одно государство, а до тех пор — что провинция в наш уезд, то особое «государство», — что эти одуревшие в своем шовинистическом неистовстве расистские истерики и скоморохи, смеют поносить нас, — создателей величайшей в мировой истории империи,

овладевших шестой частью земного шара, сплотивших под скипетром своей государственности целый комплекс народов, сокрушивших, как сказано, несколько грандиознейших в истории империй и пр. и пр.

Они надеются воспользоваться тем, что народ наш болен лежит, что он переживает великий всемирно-исторический кризис? Да, так же без оснований рассчитывал осел из нашей Крыловской басни, давая узнать «свое ослинное копыто» льву, заболевшему и беспомощному. Но только в данном случае ослы опоздали со своим расчетом. Ибо то, что было еще возможно 5, 3 года тому назад, то уже не возможно теперь. Теперь такого рода война страшна режиму, но России она уже не страшна.

То, что они получают от нас, если затеют войну, это головы сегодняшних коммюнистских растлителей и тюремщиков нашего народа, благодаря которым они, эти расистские петухи, только и смеют нам угрожать, смеют распоясываться и забываться. Освобожденный же от этого внутреннего плена народ, с раскрепощенными силами, мы нанесем врагам нашим такой страшный удар, что на все времена отучим их от всяких хищнических поползновений. Всякий их удар потонет в безграничности наших пространств, всякий наш удар будет ударом в самое их сердце. В борьбе, которая будет не на жизнь, а на смерть, мы призовем все чудовищные средства современной науки и техники. И если надо будет, камня на камне не оставим на их месте, но Россия будет защищена — чего бы это ни стоило нам и другим.

Вот уж действительно — бодливой корове Бог рог не дает. Немцы, несмотря на свою постоянную драчливость, не знали в своей истории ни одной действительно значительной победы, а били их все, кто только ни хотел. Не даром же они остались «народом без территории». И если о народах, как и об отдельных индивидуумах, можно и должно судить только по их делам, а не по их самомнению и самохвальству, то наряду с этими скромными «делами» немцев достаточно привести лишь одну нашу феноменальную, единственную в мировой истории, победу 1812 года, победу над величайшим из гениев войны, шедшим на нас во главе целых двадцати народов, чтоб указать надлежащее место этим, угрожающим нам, крикливым и назойливым горе-забиякам.

Вся кажущаяся значительность немецкой нации построена, благодаря ее крайнему расистскому апломбу и фактически всегдашней расистской политике, на саморекламе и блефе, в противоположность Русскому народу, который, благодаря, в частности, нашим всякого рода Хам - Лажеевичам Смерджковым, наоборот, всегда внешне ступшеывался и умалялся. Поэтому, повторяем, необходимо судить по делам тот и другой народ, по его истории, потому, чего он достиг, а не по его самохвальству и самомнению. А при таком сравнении эти два народа нельзя даже сопоставлять. — Народ - Прометей, Титан,

с одной стороны, и бюргер, самодовольный и крайне заносчивый филистер, с другой стороны.

Немец велик на малые дела. Он прекрасный организатор, особенно исполнитель, но в малых, узких масштабах, в особенности же, в заданных готовых уже шаблонах. В грандиозных же масштабах, — государства и истории, там, где так привольно чувствует себя русский гений, как бы предназначенный судьбой к большим замыслам и свершениям (грандиозная империя, планетарная революция, богатырская мифология, предельность запросов и устремлений и т. п.), там немец слишком короток, слишком узок и приземист. Выражение «крылатый народ» (в связи с авиацией) так метко приставшее к Русскому народу, никак не может быть применено к немцам. Но — исполнительный народ, трудолюбивый, аккуратный и, главное, крайне самодовольный и агрессивно-самоуверенный — это настоящие слова для его характеристики. Немец — филистер во всем: не только в своем мироощущении, но и в своих возможностях. Отсюда, в частности, та неприязнь в отношении его, от которой, кажется, не свободен ни один народ, сталкивавшийся с ним; в противоположность Русскому народу, которому так много принадлежит в мире симпатий и веры.

Крайне характерно, что в то время как у нас хулителями нашего народа были лишь всякого рода Смердяковы, а все великие люди были преисполнены высшей веры в него, в Германии наоборот — носителями национальной гордости были обычно посредственности, а великие люди сплошь и рядом прямо презирали «немца» и все «немецкое». Достаточно напомнить лишь отзывы и суждения Ницше и Шопенгауэра. Давая лапидарные характеристики разным национальностям, о немце Шопенгауэр говорит: «Глуп, как ночной коллак». Все значительное в немецкой культуре, по его словам — английского или французского происхождения. А немцы лишь досконально разрабатывали и уточняли, снабжали тяжеловесной и филистерски кропотливой эрудицией. А Шопенгауэр, надо полагать, кое-что понимал в вопросах культуры.

Что касается Ницше, то его коробило при одном упоминании: немец, что для него также было синонимом бюргера и филистера. «В немце содержится слишком много пива», говорил он, и в многочисленных своих отзывах и характеристиках на находил достаточных слов для выражения своего презрения и антипатии к «немцу» и «немецкому духу».

Иногда указывают на древних германцев, чтоб хоть чтонибудь значительное записать в актив немцу. Но, во первых, весь подвиг варваров - германцев заключался в том, что они разрушили (а не создали!) догнивавшую Римскую империю; а кроме того, у теперешних немцев (спустя более двух тысяч лет) столько же общего с древними германцами, сколько у теперешних греков общего с древними эллинами или у итальянцев — с древними римлянами. Старый -

престарый немецкий народ входит в состав Западно-Европейской цивилизации, в качестве одного из ее носителей («романо-германских» народов) с ее современным всемирно-историческим кризисом, «Закатом» (Шпенглер) и культурно-историческим вырождением. И поэтому, естественно, что помимо прочих, специфически национальных свойств, все черты этой упадочной, вырождающейся и заканчивающейся цивилизации, падают и на один из ее ближайших членов — немецкий народ. Поэтому в высшей степени комично звучит, когда немцы и итальянцы кичливо заявляют себя... «молодыми нациями» — разве лишь в смысле второй, старческой детскости! И действительно, черты вторичного старческого детства — отталкивающего и печального — нас часто с тревогой останавливают у этих, так опасно сейчас проказничающих, «молодых» народов.

Итак, вот наш, быть может, завтрашний национальный враг № 1. Несмотря на это, у нас вообще нет заведомых, так сказать, исторических врагов. Тем более, что, с другой стороны, мы неоднократно научали всех — как опасно становится нашими врагами. Мы русские всегда несли братство всем народам, хотя не скрываем — братство это мы иногда приносили на острие своего меча. Русский народ слишком велик, чтобы думать только о себе и слишком богат, чтоб посягать на что нибудь чужое. Как говорил Чаадаев: «Россия слишком велика и могущественна, чтоб проводить национальную политику. Ее дело в мире есть политика рода человеческого».

Ничто так не чуждо и не отвратно нам, как, в частности, эта теперешняя немецкая волосатая идея расизма, с ее звериной зоологической ненавистью и эгоизмом. Напротив, нашим постоянным стремлением было стремление к всемирности, к вселенскости, к универсализму, и в этом сказывается величие нашего народа. И именно здесь, в частности, в осуществлении межнациональной солидарности и братства людей, мы усматриваем будущее высокое призвание Русского народа.

Эти братские чувства международной солидарности и единства мы, несмотря на все, несем также и немецкому народу, тем более, что мы не смешиваем режим с самим народом; самому же народу мы способны воздать все то должное, на что он только имеет право. Но великодушные всегда в своих целях и отношениях, мы беспощадны тогда, когда нас к тому вынуждают силой обстоятельств наши враги. Поэтому, если вопреки иным положительным возможностям, немецкий народ последует за некоторыми своими, явно неуравновешенными, элементами, то пусть он будет готов к той страшной ответственности, которая, в особенности при современных орудиях войны, неминуемо воспоследует из этого.

Неверно, что в России происходит фашизация страны. Фашизм

предупреждает коммунизм — там, где он становится опасным, — а не является его последствием. Но верно, что там действительно совершается процесс национальной и государственной консолидации, который, если он завершится, может оказаться грозным для наших врагов. Та чудовищная революционная энергия, которая потрясла всю нашу планету, сейчас, как это было и с Французской революцией, переключается на внешний фронт, претворяется в патриотический пафос. И мы боимся, что немецко-расистские петухи, потерявшие голову в упоении от «победы» над крошечной и беспомощной Чехо-Словакией, своими неумными угрозами и выкриками призывают на свою голову страшную угрозу, которая может принести им чудовищное протрезвление. Сегодня они добиваются согласия у Западных народов, чтоб пойти войной против восточного колосса, а завтра как бы им не пришлось искать защиты у этих Западных народов против этого колосса.

К тому же, Россия всегда была страной великих неожиданностей, в особенности для тех филистеров и самодовольных ничтожеств, которых, как было сказано в начале, вводит в заблуждение ее простая и не безукоризненная внешность. В данном же случае, если удастся этот многозначительный и спасительный (и не для одной только России) процесс переключения ее грандиозной революционной энергии в новое, революционно-патриотическое русло, завершить, страна великих неожиданностей, может быть, на этот раз поразит воображение мира в еще большей степени, чем в легендарную войну 1812 г., сокрушившую величайшего из завоевателей, шедшего во главе целых «двадцати языков».

И надо сказать, что в этом переключении нам в немалой степени помогают наши враги, в частности и в особенности, те же немецко-расистские петухи, которые, повторяем, явно потеряли голову в упоении от «победы» над маленьким и беззащитным народом.

Глухой враг бывает иногда полезнее умного друга. Так и здесь, вопреки своим стремлениям мобилизовать всех внутренних врагов и все центробежные силы нашей страны, расистская Германия фактически работает в пользу ее консолидации. Все попытки морально разоружить и разложить Русский народ, в частности, убить в нем веру в себя, в свою государственную состоятельность и историческое призвание, кончатся обратным — морально-политической мобилизацией Русского народа и повышением его государственного и национального самосознания.

То, что происходит сейчас в России, — восстание Русского народа с «одра болезни», которую многие уже считали смертельной, нельзя объяснить только тем, что на двадцатом году большевики, наконец, — при Сталине — поняли, что, по меньшей мере, не умно самому подрезывать ветку, на которой сидишь. Это нечто неизмеримо большее. Это возрождение или, если угодно, новое рождение Рос-

сии и Русского народа, в котором он, как уже неоднократно было в его истории, восстает из пережитого им кризиса в еще большем величии и мощи.

При этом, на смену умершему деградированному сословному национализму сейчас подымается мощный, органический народный национализм, национализм, подобный тому, который возник в результате Французской революции и который обусловил великие революционные завоевания и вознес звезду Наполеона.

И здесь не бесполезно будет прибавить, что враги России и Русского народа, внешние и особенно внутренние, должны хорошо и, главное, своевременно подумать об этом: этот новый национализм будет страшным в отношении к ним. Те времена, когда они безнаказанно, на виду у всех работали над деморализацией и растлением нашего народа, над подрывом его национального престижа, клеветали и возводили хулу на него; времена позорного самооплевывания, когда некая слякочная разновидность нашей (вообще столь героической) интеллигенции, бия себя в грудь, сопливо вопила: смотрите, смотрите все — какие мы гадкие, — эти времена, позорной памяти и преступного попустительства, отошли в прошлое навсегда и не возвратятся больше.

Есть известная необходимая закономерность в революционных испытаниях, в которых данный народ, как Феникс в огне, сгорая в своих старых, отживших формах, возрождается из их пепла к жизни вновь — в еще большей полноте и жизненности. Отсюда и это усиление упора в его национальном самосознании и самоощущении. И усиление это понятно: народ обретая себя исторически вновь, хочет быть вновь великим, ибо Величие — высшая и основная категория Истории.

Но сверх всего этого в трагической судьбе России и Русского народа есть и общечеловеческий аспект. Русский народ — единственный народ в современном мире, несущий Идею всего человечества, а не только идею своего собственного национального бытия. Россия, несмотря на временное торжество там коммунизма, служащего сейчас причиной глумливой и ликвидаторской реакции во всем мире, является для текущего 20-го века тем, чем была Франция для 19-го: очагом великих исторических свершений. И победа расистской Германии над Россией была бы победой атавизма над историческим прогрессом, победой зоологии над Историей.

Поэтому и нам русским Россия дорога не только по патриотическим побуждениям, но и по идеологическим причинам. Ибо в нашу критическую эпоху Россия таит в себе завязь нового гармонического человечества, она — очаг новой высшей культуры и общественности, трамплин в Будущее. Без России современное человечество осталось бы без Надежды, ибо в современном мире почти нет не отработанных культурно-исторических сил, которые способны были бы стать но-

сителями и творцами човой эпохи. Россия представляет собой силовое поле текущей мировой истории, в ней сходятся и из нее исходят решающие силы переживаемого всемирно-исторического кризиса, как и его преодоления. Вот почему все, что есть в мире лучшего и творческого, исполнено в отношении к ней сочувствия и веры, симпатии и ожидания.

Благодаря этому такое положение России в современном мире может явиться в высшей степени судьбоносным и в отношении этого предстоящего военного столкновения, в котором на ее стороне будет сама История. Можно верить, что это будет действительно **последняя война** — духовно и социально человечество уже созрело к этому, — и нужно все сделать, чтоб это была действительно **последняя война**. Для этого нужно, в частности, с этим великим лозунгом — **последней войны**, вокруг России мобилизовать все, что есть в мире от прогресса, от культуры, от света, от великодушия. Но этого нельзя будет осуществить, если мы при этом не преодолеем у себя самих режим темной и кровавой охлократии, который не только деморализует и парализует наш народ, но и изолирует его от всего мира.

На переднем плане предстоящая война будет прежде всего столкновением двух величайших зол современности: расизма и коммунизма. И это их столкновение будет их обоюдной гибелью. Что касается остальных — положительных сил современной истории, то по самой логике вещей, они должны будут сыграть в отношении их роль **третьей силы**, способствующей этой их объективно неизбежной гибели и призванной — в своей наиболее передовой части — вывести человечество на новые, достойные его пути развития.

При этом, если коммунизм, воюющий с собственным народом, неизбежно должен будет погибнуть в порядке внутреннем, что позволит освобожденной России занять место авангарда среди прогрессивных и положительных сил мира. (см. ст. ст. «Тезис Клемансо» № 9 «Т. Р.» и «Революционное оборончество» № 7 «Т. Р.»), то расизм в последующем неминуемо будет разгромлен в порядке международном, ибо и намечающаяся коалиция по своим неисчерпаемым, если они будут мобилизованы, возможностям, и грозная для всех, в случае возможной победы Германии, международная ситуация, делают такой исход и объективно возможным и повелительно необходимым. Культурное человечество не может допустить победы расистской Германии — будь она возможна: это было бы величайшим преступлением перед Историей, чреватым самыми мрачными и непоправимыми последствиями. Но именно поэтому уже такая победа невозможна, ибо, повторяем, потенциальные ресурсы на этой стороне — если они будут мобилизованы — неисчерпаемы.

Больше того, культурное и свободное человечество, если оно не хочет очутиться перед призраком страшного рабства и желает

обеспечить возможность дальнейшего нормального существования, не только не может и не должно допустить победы расистской Германии, но и должно в результате этой предстоящей, верим, последней войны, покончить, на этот раз, с ней, как государством, исправив, тем самым, капитальную ошибку (на которую указывал уже Фош) умиротворителей предыдущей мировой войны. Ибо пока в самом центре Европы будет, в качестве единого и независимого государства, этот расистски и милитаристически одержимый народ, человечеству придется жить и в дальнейшем не в Истории, а в зоологии, не в условиях грядущего вечного мира и братства народов, а в условиях постоянных угроз войны и звериных отношений между народами.

И как предыдущая война кончилась целым рядом социально-политических крушений и явилась гранью всемирно-исторического развития, так в еще большей мере грядущая война, которая неизбежно станет мировой и в еще более ужасающих размерах, будет очистительной катастрофой, в которой родится новое человечество и зажжется Звезда нового всемирно-исторического пути.

Итак, нам не только будет с кем защищаться, но и будет что защищать в предстоящем военном столкновении.

В то же время — и пусть в заключение это будет особым предостережением врагам нашего народа — внутренним и внешним: и в своем отношении к ним мы теперь уже не те, чем были до нашей страшной трагедии. После двадцати лет этой всенародной Голгофы, которой мы в немалой мере обязаны также своим внешним и внутренним врагам, мы стали — надо это прямо сказать — в предельной степени подозрительны и недоверчивы. И это в виду наступающих, быть может, наиболее грозных испытаний для России — не плохо, а хорошо. Мы были слишком доверчивы и слишком снисходительны ко всем, даже к своим открытым недругам и за это жестоко заплатились. Теперь же — и пусть это знают враги нашего народа — их ждут не какие либо упущения на этот счет, а скорее опасность трагических преувеличений. Двадцать лет страшного психологического напряжения и борьбы, состояния всенародного подполья и ежеминутной настороженности научили нас такой зоркости к врагу, что ни один из них, как бы он ни маскировался искусно, не ускользнет от взора своей среды, в какой бы он ни очутился.

Вместе с тем революционный дух экстраординарного мироощущения, дух чрезвычайности, боевого экстремизма вошел в плоть и кровь нашего народа в его новейшей формации, претворился в новую психологию агрессивности и борьбы, ударности и активизма. И, как выше указывалось, теперь происходит фиксация этой психологии на новом предмете, в частности, на новой категории врага, — врага народа, как такового. И поэтому пусть дрожат гадины, тор-

гующие сейчас на всех политических биржах иноземных столиц честью и именем России и ее народов: в отношении их было допущено слишком много попустительств, но тем суровее и беспощаднее будет исправление их. В этом отношении, в отношении борьбы со своими внешними и внутренними врагами, мы должны будем фашизировать методы и интенсивность этой борьбы. Больше того, отвергая фашизм в целом, мы должны быть архифашистами в отношении своих врагов. Фашизм, не решая ни одной из великих проблем современности и даже затрудняя их решение, является, однако, прекрасным орудием национального самосохранения. И в этом качестве он должен быть использован нами. Нужно разбудить до предела, до высшей мобилизованности инстинкт самосохранения нашего народа, памятуя, что трудно раскачиваясь, как все громоздкое, он способен все сокрушить, раз раскачавшись. Как говорил Бисмарк: «Русский народ медленно запрягает, но быстро едет». Не нужно бояться излишнего напряжения, взвинченности, состояния исключительности и экстраординарности, которые вполне по силам и даже по нутру нашему народу, не любящему ничего середино-промежуточного, умеренно-посредственного, половинчатого. Нужно изболочить сомнительные «успокоения» и призывы к «умеренности», исходящие от некоторых импотентных элементов нашей общественности или, что вернее — от наших злейших **замаскированных** врагов. — Скоро маски с этих протитуированных элементов, служащих одновременно всем, кроме России — будут сорваны. Не нужно терять хладнокровия и спобудут сорваны. Не нужно терять хладнокровия и спокойствия, — но койствия, — но хладнокровие это должно быть хладнокровием часового, стоящего на посту, спокойствие должно быть спокойствием силы, а не состояния пассивности.

К тому же и по существу дела, надо помнить, что бороться нам придется на два фронта — с врагами внутренними, прежде всего, с коммарксизмом, и с врагами внешними; и с которыми мы справимся, если сумеем мобилизовать все гигантские силы нашего народа и всю его могучую, несокрушимую волю. Справившись же в первую очередь со своим главным внутренним врагом, с коммарксизмом, мы сможем войну с внешним врагом превратить во вторую национально-народную, — во **вторую Отечественную войну (быть может, и на этот раз — освободительную для всего мира)**, — а тогда мы будем непобедимы. Но для этого нужна предельная мобилизованность всех сил, на какие наш великий и героический народ способен, и нужно самим быть на уровне этих его сил и возможностей.

Экстраординарное и вместе с тем высоко судьбоносное положение нашего народа не только оправдывает, но и повелевает беспощадность мер, что касается специально наших внутренних врагов, тех элементов не идейного, а **государственно-уголовного** свойства, которые, (как и в войне 1914 г.) более всего могут оказаться опасны-

ми в решительные часы истории, ибо все будет зависеть от психологического состояния нашего народа: внешние наши ресурсы — неисчерпаемы. Поэтому, если в эти, чреватые великими историческими последствиями — и не только для нас, но и для всего мира — часы истории, могут найтись изверги, моральные уроды, способные предательским образом спекулировать на нашей судьбе, то да будут благословенны все кары, которые могут пасть на их чудовищные и преступные головы. Люди не вправе таким способом бороться с заблуждающимся добром, с последователями хоть и ложной идеи, но чистых побуждений, но с сознательным злом, при том чреватым такими последствиями, как в данном случае — со злом тех, кто знает, что они делают, все средства могут быть и должны быть мобилизованы. Россия переживает один из ответственных и критических моментов в своей судьбе и через себя — современного авангарда Истории — в судьбе всего мира. В этот исключительный и экстраординарный момент и все меры в ее борьбе должны быть исключительными и экстраординарными. В борьбе этой веру нужно соединить с железом. Тут никакие реляции тех некоторых «либеральных» слюнтяев и «гуманистических» ханж, которые однажды уже предали ее в руки ее внешних и внутренних врагов и потому не могут иметь голоса в этом, — не должны быть и не могут быть терпимы и допускаемы. Мерами ужаса должны быть парализованы все замыслы и все попытки наших врагов, нужно оледенить их подлые и презренные души тем, что только и способно воздействовать на них: страхом. Низость всегда соотносительна с трусостью. И борьба с первой удваивается воздействием на вторую. Необходимо поэтому, чтоб враги наши знали, что «керенщина» и «позорной памяти, времена ленинских, безнаказанно-предательских подвигов, больше не повторятся. Россия не очутится больше в руках темных и закулисных ее врагов, ибо зрячими стали миллионы ее верных и бестрепетных сынов, готовых, если понадобится, на все средства, какие могут быть в распоряжении людей, для ее защиты.

Пока же и здесь мы должны быть на страже чести и имени нашего народа, должны быть живыми органами его свободного и мужественного слова, бичующего и избочающего его врагов и укрепляющего истинных сынов его, а главное — должны быть служителями, поддерживающими неугасимое пламя его священной Веры в себя, в свое историческое значение и назначение — до того момента грядущей Национальной Революции, когда пламени этому суждено будет разгореться в новый Светоч правды и добра, указывающий человечеству достойные его пути общественной и духовной жизни.